

КИРА МАЛЬЦЕВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

СВОДНЫЕ

Кира Малёк

Сводные

<https://litres.ru/74238809>

Аннотация

Мои родители развелись. И жизнь перевернулась с ног на голову. Мне пришлось переехать в новый дом, к новому мужу моей мамы. Он очень богат и ещё у него есть два сына, от которых пол нашего города сходит с ума, только не я. А ещё у меня проблемы с парнем и вишенкой на торте это - предательство подруги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	62
Глава 12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Два часа ночи. Пятница.

 Сзади, на заднем сиденье, мои две лучшие подруги орут так, будто их режут. Пьяные в хлам, разумеется.

 Я тяжело вздыхаю и сворачиваю на заправку. Старая «Королла» кашляет на последних парах — бак давно просит пощады. Если честно, я боюсь не того, что мы встанем посреди трассы. Я боюсь, что не вывезу эту поездку с Полиной и Светой.

 И тут же получаю локтем по затылку.

 — Ой, Ев! — Полинкин смех звучит так, будто она под водой. — Сорян. Не хотела...

 Света наклоняется вперёд, обхватив моё кресло:
 — Может, ещё в один клуб? Ну пожалуйста, Ев?

 — Нет.

 Я отстёгиваю ремень и вылезаю. Они вытекают следом — грациозно, как две пьяные медузы. Полина спотыкается и едва не сносит зеркало. Света падает на неё всем весом.

 — Ну почему нет? — Полина поправляет юбку, покачиваясь. — Последняя пятница перед учёбой. Давай оторвёмся!

 — Не будь занудой, — подхватывает Света.

 Они начинают подпрыгивать на месте, как дети перед ёлкой.

 — Вы обе пьяные. Я везу вас домой.

 — Да ну тебя, — стонет Полина.

 Света хмурится:
 — Что с тобой вообще?

 — Поссорилась с Русиком? — Поля икает так сочно, что это могло бы стать отдельным видом искус-

ства.

 Я вежливо улыбаюсь. Они закатывают глаза. А потом Полина улавливает запах выпечки, хватает Светку, и они чешут внутрь.

 Смотрю, как они прыгают, взявшись за руки, и думаю: вот кому-то для счастья хватает пары коктейлей и булочки с корицей.

 Пока заправляюсь, прокручиваю Светин вопрос. Что со мной происходит?

 А то, что мой мир разлетелся на осколки сегодня днём.

 У меня было свидание. С продолжением, если по-честному. Первый раз. Руслан ждал три года — и вот, наконец, я созрела. Или почти созрела.

 Но когда я вернулась домой, чтобы собраться, мама сидела в прихожей посреди коробок. С полупустой бутылкой вина и мокрым лицом.

 — Привет, дочь. Как дела?

 Я захлопнула дверь:
 — Что случилось?

 — Ничего, — она махнула рукой. — Тебе не о чем беспокоиться.

 — Мам.

 — У нас всё будет хорошо.

 Коробки везде. На кухне. В раковине — ещё две пустые бутылки.

 — Мам. Где папа?

 Она посмотрела на меня стеклянными глазами и выдохнула:
 — Ева. Мне правда жаль. — И разревелась.

 — Я влюбилась в другого. Мы переезжаем, — сказала она между всхлипом и икотой.

 — Что?

 Я рухнула на диван. Она влюбилась в другого. Папа её выгнал. Завтра мы переезжаем в чужой дом.

 — И кто он?

 — Владимир Власов.

 — Власов? — у меня отвисла челюсть.

 — У него два сына тво-

его возраста. Ты, наверное, их знаешь.

 Знаю ли я их? Их все знают. Кирилл и Марк Власов. Их отцу принадлежит половина города. Богатые, влиятельные. Учились в обычном колледже, хотя могли купить любую частную школу. Странные.

 И теперь я буду жить с ними?

 Надо было съезжать раньше. Но сейчас я не могу её бросить.

 Мама рыдала так, будто кто-то умер. А я смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то надрывается навсегда.

 Я никогда не буду такой. Никогда.

 И прости, Руслан, но сегодня опять облом.

 К вечеру он не слишком обрадовался, что планы изменились. А когда я сказала, что хочу просто выключить голову и пойти с подругами, он выдал:
 — Найду кого-нибудь сговорчивее. Сколько можно ждать?

 Вот так я и оказалась в два часа ночи на заправке с двумя пьяными идиотками и мыслью, что жизнь — это жесть.

 От размышлений меня отвлекает звук подъехавшей машины.

 Краем глаза вижу, как из тачки вылезают парни. Громко ржут, обсуждают девчонок. Заходят на заправку.

 И в стекле я их различаю.

 Одного не знаю. А второго — Марк Власов.

 Серьёзно? Раньше мы с Власовыми вообще не пересекались, а теперь судьба швыряет нас друг в друга на каждом шагу?

 Смотрю в окно: подруги уже подлетели к парням и начали флиртовать. Друг клюёт. А Марк скользит по ним скучающим взглядом, как по пустому месту.

 Марк — младший, мой ровесник.

Оба красивые, но по-разному. Кирилл — массивный, мускулистый. Марк — худощавый.

Я фыркаю: откуда я вообще это знаю?

Оглядываюсь на «Майбах» — и застываю.

На меня смотрят два зелёных глаза.

Кирилл стоит у колонки и всё это время наблюдал за мной.

У меня внутри всё сжимается. Я не могу отвести взгляд. А он не отводит.

Марк красивый, да. Но он не идёт ни в какое сравнение со старшим братом. Теперь я понимаю, почему про них столько сплетен.

Мурашки бегут по затылку. Мы молча сверлим друг друга взглядом — какая-то немая битва.

— Киря, смотри. Презервативы со вкусом конфет, — Марк выходит с заправки и протягивает брату коробку.

Надо отвернуться. Но я смотрю на них как дура.

Марк кивает в такт музыке из динамиков. А Кирилл так и сверлит меня взглядом.

И тут я понимаю: он знает, кто я.

Он щурится — недобро, опасно. А я усмехаюсь. Отвожу взгляд и иду расплачиваться.

Где эти две? Не успеваю оглядеться, как кассирша кивает на дверь туалета.

— Они там.

— Спасибо.

Оплачиваю бензин. Застёгиваю сумку. И в этот момент мимо проходит Кирилл.

Чёрная кожаная куртка, чёрная рубашка, чёрные джинсы. Выглядит так, будто только что слез с байка.

Проходя, он задевает меня плечом. Мы оба оборачиваемся.

Сердце ёкает. На секунду.

В его глазах — ровно та же ненависть, что и в моих.

 Я тупо вздыхаю, разворачиваюсь и выхожу.

 Марк и их дружок уже в машине, над чем-то угарают.

 Я не лезу в свою «Короллу», облакачиваюсь на капот и жду девчонок.

 Когда Кирилл выходит, у меня нет сомнений: он идёт прямо ко мне.

 Меня колотит изнутри. Он останавливается рядом, собирается что-то сказать...

 И тут, откуда ни возьмись, подлетают две машины. С визгом тормозят в двух метрах.

 Глаза Кирилла вспыхивают злостью:
 — Какого?

 — Эй, мудаки! — из одной тачки выскакивает парень с чем-то дымящимся в руке.

 Марк и их друг вылетают наружу. Начинается драка.

 Кирилл проносится мимо. А я стою и тупо пялюсь.

 Всё как в замедленной съёмке. Машины наполняются дымом. Я чувствую жар.

 — О нет.

 Бегу на заправку. Хорошо, Поля со Светой как раз выходят.

 — В машину! Быстро! — ору я.

 — Ев, что происходит? — они втыкаются в асфальт.

 В этот момент хочется им обеим врезать. Но из нас троих в здравом уме только я.

 Хватаю их за руки и тащу:
 — Просто слушайте. Валим отсюда.

 Света тормозит посреди парковки. Глаза у неё становятся по пять копеек.

 Я запикиваю Полину в салон, оборачиваюсь:
 — Света, блин, быстрее! Сейчас всё рванёт!

 Оббегаю машину, прыгаю за руль — и мы улетаем.

 Всё происходит так быстро, что мозг не успевает смонтировать картинку.

 Сзади Полина

и Света уже в восторге:
 — Ты видела Марка? Он такой сексуальный...

 Света фыркает:
 — Марка? А Кирилла ты видела? Я бы с ним... — и хихикает.

 Полина стонет:
 — Ева, ну пожалуйста, может, рванём в клуб? Спорим, я знаю, куда они поедут!

 Мне плевать, куда они поедут.

 Я отвожу их, куда они просили, и уезжаю домой.

 Одна.

Глава 2

Выходные прошли как один долгий, тяжёлый день. Мы собирали вещи, прощались со старым домом, и я до последнего надеялась, что это просто страшный сон. Но грузчики, коробки с надписью «Кухня» и «Осторожно, стекло» говорили об обратном. Переезд состоялся.

 Когда мы подъехали к дому Власовых, я просто остолбенела. Это был не дом. Это был дворец. Настоящий, с фонтаном перед въездом и широкой парадной лестницей, ведущей к массивным дверям. Пока мама водила меня по этим хоромам, у меня внутри всё кипело от злости — она чувствовала себя здесь как рыба в воде, будто жила тут всю жизнь. Но я сжала зубы и не показала вида.

 Организацией переезда занимался нанятый транспорт, но Власов-старший вместе с сыновьями всё равно пришёл помочь. Кирилл и Марк молча проскользнули мимо меня, схватили коробки и занесли их внутрь, даже не взглянув в мою сторону. Я делала то же самое — мы играли в игру «вы не существуете друг для друга». Единственными, кто нормально общался, были моя мама и Владимир. Он оказался высоким, поджарым мужчиной с благородной сединой на висках, и я, хоть и скрепя сердце, могла признать, что выглядит он эффектно.

 В какой-то момент Владимир наклонился к маминому уху и тихо сказал:
 — Анют, нас сегодня пригласили на ужин.

 Мама расцвела в улыбке, хлопнула в ладоши и звонко ответила:
 — Это замечательно! Я так рада познакомиться с твоими друзьями.

 Они свернули за угол, но я успела услышать, как она спросила своим приторно-сладким голосом:
 — Как думаешь, они примут меня в своё общество?

 Я фыркнула про себя. Ей так хочется вписаться в их высший свет, что это даже смешно. И тут в кармане завибрировал телефон. Полина звала на дискотеку. Следом пришло сообщение от Светы — с тем же предложением. А через час Руслан прислал голосовое с извинениями за своё поведение. Я закатила глаза и отложила телефон в сторону. Ни на кого из них у меня не было ни сил, ни желания.

 Моя комната оказалась завалена коробками, а посередине стояла кровать таких размеров, что на ней спокойно могли бы уместиться пять человек. Я рухнула на неё, уставилась в потолок и решила просто пролежать до утра — никого не видеть и ничего не слышать.

 Утром я встала рано. На новом месте сон был каким-то тревожным и поверхностным, будто я всё время ждала чего-то. Потянувшись к тумбочке, я взяла телефон. Экран пестрел пропущенными: Полина, Света, даже пара звонков от Руслана. Я так и не ответила никому.

 В тот же день я поехала в старый дом — надо было проверить, не забыли ли мы чего-нибудь. Я хорошо знала маму: если она что-то не найдет, будет гонять меня туда-сюда. Так что проще было убедиться самой.

 Я осмотрела второй этаж, спустилась на

кухню и вдруг услышала, как щёлкнул замок входной двери.
— Пап? — обернулась я.
Он замер на пороге, посмотрел на меня устало и спросил:
— Привет. Как ты?
Момент вышел неловким. Я давно уже не маленькая девочка и прекрасно понимаю: люди могут разлюбить, развестись, разъехаться. Но почему дети обязательно должны страдать от этого?
Я обвела пальцем воздух вокруг себя:
— Да вот, проверяю, ничего ли мы не забыли.
Он поморщился, как будто съел что-то кислое:
— То есть, Анна ничего не забыла?
— Ага...
Он тяжело вздохнул, и в кухне повисло напряжение, которое можно было резать ножом.
— Пап... — начала я осторожно. — Почему тебя вчера не было, когда мы собирали вещи?
Он устало провёл ладонью по лицу и тихо ответил:
— Аня решила, что так будет лучше... чтобы я уехал. Чтобы не было неловких стычек.
— Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой. — Тебе понравилось на новом месте?
— Не особо, — честно сказала я, нахмурившись. — Вот этот дом... наш дом — он мне нравится. А там я себя неуютно чувствую.
Он отвернулся к окну, но я заметила, как сжались его кулаки. Голос прозвучал глухо:
— Твоя мать считает, что тебе лучше остаться с ней.
— И что?
— во мне вскипела обида. — Почему она вообще имеет право решать? Мне уже восемнадцать. Ты тоже мой отец.
Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и я не понимала:

почему он так себя ведёт? Что его смущает? Почему он не может просто сказать то, что думает?

— Мне пора, — выдохнул он, не глядя на меня. — У меня скоро тренировка. А у тебя сейчас... новая страница в жизни.

Я прищурилась, чувствуя, как внутри всё закипает от обиды и какой-то горькой пустоты:

— Новая что? Соседи по комнате? Сводные братья? Или отчим?

— Ева, — он наконец посмотрел на меня, и голос его прозвучал устало, — в жизни иногда так случается. Взрослые не всегда могут ужиться вместе.

Я вздрогнула от своего имени. Он никогда так меня не называл. Всегда только ласково: «Евчёнок» или «зайчёнок». Никогда просто — Ева.

— Увидимся на учёбе, — бросил он, проходя мимо. На секунду его рука легла мне на плечо — короткое, почти невесомое касание, — и дверь за ним закрылась.

Я стояла посреди кухни, глядя на закрытую дверь. Потом судорожно выдохнула и медленно опустилась на стул. В голове гудело от одной-единственной мысли, от которой хотелось то ли плакать, то ли кричать:

Моя жизнь пошла наперекосяк.

Глава 3

Когда я вернулась в особняк, меня уже ждали. Мама лежала в шезлонге у дома, и её голос разнёсся по всему двору:
 — Доченька, подойди сюда, пожалуйста.
 Я остановилась как вкопанная и просто уставилась на неё. Серьёзно? Вчера она едва сдерживала слёзы, хваталась за сердце и устраивала драму «как тяжело всё начинать заново». А сегодня — шёлковый халатик, коктейль в руке, улыбка на всё лицо и полный релакс. Не прошло и суток.
 Рядом с ней сидел Владимир, но как только я подошла ближе, он поднялся с места и учтиво произнёс:
 — Присаживайся.
 Я не смогла сдержать хмурую гримасу — какое, к чёрту, «присаживайся»? Но он либо не заметил, либо сделал вид, что не заметил. Махнул рукой в сторону кресла, вежливо улыбнулся и ушёл в дом, оставив нас вдвоём.
 Мама спокойно похлопала по соседнему месту:
 — Садись. Поболтаем.
 Она подвинула ко мне чашку:
 — Володя не притронулся к своему кофе. Можешь выпить. Я знаю, ты любишь кофе.
 Я даже не взглянула на чашку. Всё внутри кипело от обиды, и я выпалила, глядя ей прямо в лицо:
 — Сегодня я ездила домой. И видела папу.
 Мама спокойно взяла свою чашку, сделала глоток и сказала таким тоном, будто я ничего не говорила:
 — Ка-

кой вкусный чай.
— С каких пор ты пьёшь чай?
— прищурилась я.
— Ева, мне всегда нравился чай, — ответила она так равнодушно, словно мы обсуждали погоду.
— Мама. Может, поговорим по-человечески? — я сложила руки на коленях и уставилась на собственные пальцы, словно от них зависело, услышит она меня или нет.
Она чуть поменялась в лице, голос стал жёстче.
— Так ты видела Диму? Он не должен был там сегодня быть.
— В его собственном доме? — не удержалась от колкости. — Ты поэтому не хотела, чтобы я с ним виделась?
— Это к лучшему, — отрезала она.
— Для кого лучше, мам? — голос дрогнул, и я почувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Для тебя?
Я сжала зубы изо всех сил. Я не покажу ей, как мне больно. Ни за что. Не хочу, чтобы она видела мою слабость.
Она похлопала меня по руке — чисто механически, — откинулась на спинку и снова поднесла чашку к губам.
— Мы разводимся, Ева. Пойми. Некоторые вещи в жизни меняются.
— Ага, — выдавила я, глотая обиду.
Уголок её губ дёрнулся вверх. Она поставила чашку на столик и посмотрела на меня почти ласково.
— Я твоя семья. Всегда будем ты и я. Но теперь у меня есть ещё и Володя. Тебе стоит познакомиться с Кириллом и Марком. Они очень милые мальчики.
— А ты с ними уже хорошо познакомилась?
— спросила я.
— Да.
— Когда? — ру-

ки сами собой вцепились в подлокотники кресла.

 — За последний год я несколько раз обедала с ними. А что за вопрос? — она посмотрела на меня с таким видом, будто я задавала совершенно неуместные вопросы.

 — За последний год? — голос у меня сел.

 — Я же говорила тебе, мы долго боролись с твоим отцом за наши отношения, — ответила она таким тоном, будто читала лекцию.

 — Ты изменяла папе целый год? — я даже не слушала её оправданий. Перед глазами всё плыло.

 Она вздохнула, как от усталости:

 — Я его не обманывала...

 — Ты сказала «год», — перебила я, интуитивно подавшись вперёд. — Папа знал?

 Мама закатила глаза:

 — Не делай вид, что твой отец был святым. Чтобы сохранить брак, нужны двое. Димы уже много лет нет рядом со мной. Может, лучше спросишь его, почему он постоянно отсутствовал? Или ты ничего не замечала?

 — Он тренирует футбольную команду. Он много работает, — я начала защищать его, хотя внутри всё сжималось от нехорошего предчувствия.

 — Футбольный сезон длится не один год, Ева. — Её голос стал похож на хлыст. — И не стоит обвинять во всём только меня.

 Я отодвинула стул, чувствуя, как в груди разрастается горькое разочарование:

 — Для него эта работа важна. И Руслан сказал, что лучшего тренера в Москве нет.

 Она снова вздохнула, но уже как-то снисходительно:

 — Ты всё ещё с Русланом? Он

тебе вообще не подходит. Его отец — механик, а мать работает кассиром в продуктовом магазине. С ним нет никакого будущего.

 Я отшатнулась. Вот это поворот.

 — Мы просто встречаемся, — выдавила я. — И почему тебя так волнуют чужие деньги?

 Мне стало противно от этого разговора. Когда она успела стать такой меркантильной?

 — Я знаю тебя, Ева, — продолжала мама, не обращая внимания на мои слова. — Вы встречаетесь достаточно долго. И я думаю, он тебе изменяет. И да... деньги сейчас решают многое.

 Я оскалилась:

 — Откуда ты знаешь про измены? Или предатели видят друг друга издалека?

 Больше я не сказала ни слова. Развернулась и пошла в дом, спиной чувствуя её взгляд.

 В гостиной за столом сидели Кирилл и Марк. Оба молча смотрели на меня, но я даже не остановилась. Прошла мимо, поднялась к себе, быстро переоделась, схватила айпод и вылетела на улицу. Хотелось только одного: бежать. Бежать так, чтобы вытрясти из себя всю эту боль, злость и отчаяние.

 Когда спускалась вниз, братьев уже не было.

 Бег всегда был моим спасением. И остаётся им до сих пор.

 Домой я вернулась, когда стемнело. Тело едва держалось — ноги гудели, в лёгких жгло, но внутри стало хоть немного легче. В коридорах было тихо, мои шаги гулким эхом разносились по огромному особняку.

 Когда я проходила мимо гостиной, меня окликнули:

 — Ты опять бегаешь?

 Мама стоя-

ла в дверях. Я вытащила наушники и остановилась, но ничего не ответила. Просто ждала, что она скажет дальше.

Она демонстративно вздохнула:

— Думаю, мне не следует удивляться.

Я вытерла пот с лица и продолжала молчать.

— Я ужинала с Володей и мальчиками. Они спрашивали о тебе...

Я закатила глаза и, не проронив ни звука, поднялась наверх.

В душе я смыла с себя пот и грязь, но чувство гадливости внутри осталось. Села на кровать, включила телефон. Сообщения от подруг сыпались одно за другим: фото с какой-то вечеринки, смех, коктейли, они явно «куражились» там на полную катушку. От Руслана — ни слова. Ноль сообщений. Ни одного пропущенного.

Я молча выключила телефон, бросила его на тумбочку и заползла под одеяло, свернувшись клубочком.

Ночь накрыла меня с головой, но сон не шёл.

Глава 4

В колледже, где я училась, отца знали все. И уважали. Тренер сборной — это вам не шутки. Поэтому в первый учебный день после каникул я шла по коридору и внутренне готовилась к худшему. Мне казалось, что все уже в курсе про развод родителей. Я ждала косых взглядов, шепотков за спиной, чужого любопытства. Может, кто-то решит посочувствовать — мол, бедная девочка, родители разбежались. А кто-то, наоборот, окрестит меня шлюхой по наследству — раз мать ушла к другому, значит, и я такая же.

Но ничего такого не случилось. Никто особо на меня не смотрел, никто пальцем не показывал. И я украдкой выдохнула — с облегчением, глубоким и тихим, чтобы никто не заметил.

А потом из ниоткуда передо мной вырос Руслан. Волосы уложены муссом — как всегда, до последней прядки, — на губах кривая усмешка. И эти ямочки на щеках... Боже, как же они на меня раньше действовали. Я чуть не улыбнулась по привычке, но вовремя одёрнула себя.

Он хмыкнул и посмотрел на меня своими наглыми глазами:

— Где ты была все выходные?

— После того великого прощания, которое ты мне устроил в пятницу? — я отошла к окну напротив класса и облокотилась на подоконник.

Он демонстративно закатил глаза:

— Да ладно тебе. Я написал кучу сообщений, извинился. Ты

вообще не ответила.

 Я пожала плечами. Промолчала. Не хотелось ничего объяснять.

 — Твои подруги тебя ждали, — добавил он. — Они надеялись, что ты придёшь.

 Снова пожимаю плечами. Что он от меня хочет?

 Он вздохнул, и в голосе проскользнуло что-то похожее на беспокойство:

 — У тебя что-то случилось?

 — С чего ты взял? — всё же спросила я.

 — Ты какая-то странная. Что происходит?

 Я пропустила его вопрос мимо ушей и спросила о другом:

 — Как прошла вечеринка?

 Он отвернулся к окну, и я заметила, как напряглись его плечи.

 — Не хочешь отвечать — не отвечай, — буркнул он. — Вечеринка... всё было круто.

 — Ты нашёл там девушку лучше меня?

 Он замер. Я буквально увидела, как он весь сжался от этого вопроса. Потом оттолкнулся от подоконника и быстрым шагом направился прочь. Я не стала его останавливать. Не было ни сил, ни желания.

 Едва я сделала пару шагов в сторону класса, как рядом заверещали подруги.

 — Приветик! Давай рассказывай, где ты была в эти выходные и с кем? — прощebetала Поля.

 Светка тут же подхватила:

 — Мы за тебя волновались, между прочим.

 — Правда? — я удивлённо изогнула бровь. Честно говоря, в их «волнение» верилось с трудом. Когда эти двое в отрыве, они никого вокруг не замечают. Но они синхронно закивали, и я не стала спорить.

 А потом кто-то прошёл по коридору

мимо нас, и выражение их лиц мгновенно изменилось. Глаза загорелись, губы расползлись в предвкушающих улыбках. Я уже знала: сейчас начнётся.

Светка схватила меня за руку и наклонилась к самому уху: — Вика и Андрей расстались в эти выходные!

Поля закивала как заведённая: — Мы слышали, что Вика переспала с одним из братьев Власовых. Андрей узнал и бросил её. Это на глазах у всех было, на той самой вечеринке в пятницу.

— Жаль, что ты всё пропустила... это было нечто, — добавила Светка с таким видом, будто речь шла о главном событии года.

— Ага, — буркнула я как можно равнодушнее. — Девочки, меня не интересуют сплетни.

Они обе уставились на меня с таким выражением, будто я только что призналась, что ненавижу пиццу.

— Так где ты была? — не отставала Светка.

— В эти выходные у меня были семейные дела, — я расправила плечи и подняла взгляд к потолку, чтобы не встречаться с ними глазами. — Я не хочу сейчас об этом говорить.

Поля, как ни в чём не бывало, переключилась на другую тему: — На этой неделе наша команда играет с колледжем, где учатся Власовы. — Она перевела взгляд с меня на Свету. — Ну что вы на меня так смотрите? Это будет фееричная игра!

Мои пальцы сильнее сжали книги так, что побелели костяшки. Власовы, Власовы, Власовы — они всюду. Мне уже тошно от этой фамилии. Я пыталась вспомнить: всегда ли так было?

Или просто раньше я не обращала внимания?

 И эти разговоры про «самую лучшую пару лица» — Андрей Круглов и Вика Солнцева встречались с первого курса. Для всех их расставание стало шоком. А для меня... плевать. Абсолютно плевать на чужие драмы. У меня своей выше крыши.

 Я была искренне благодарна, когда начался урок. До конца дня я старалась избегать подруг — делала вид, что очень занята, или просто не замечала их призывных взглядов. И, к счастью, никто не распускал слухов про моего отца или про маму. Учебная неделя потекла своим чередом, и я наконец-то выдохнула спокойно.

 Неделя прошла без происшествий.

 В среду я встрети-лась с Русланом в кафе. Он так настаивал, так извинялся, что я решила дать ему ещё один шанс. Хотя внутри всё сжималось от нехорошего предчувствия.

 Когда мы вышли на стоянку, он спросил:

 — Тебя отвезти до-мой?

 — Нет, спасибо. За мной отец приедет, — соврала я. На самом деле просто хотела прогуляться пешком. Подышать. Побывать одной.

 Он посмотрел на меня с нечитаемым выражением:

 — Хорошо. А сейчас ты куда?

 — К Поле.

 — Ну... хорошо... — сказал он с каким-то хмурым видом, а потом вдруг на-клонился для поцелуя.

 Я выдохнула, когда наши губы встретились. Его губы были мягкими, без давления — почти нежно. А потом он улыбнулся, прижался своим лбом к моему, снова поцеловал — уже требовательнее, настойчи-

вее. Когда его язык скользнул внутрь, я отстранилась.

— Что?

— Что ты имеешь в виду под «что»? — я мягко оттолкнула его. — Ты же знаешь, что я не люблю целоваться у всех на виду.

На самом деле мне было почти всё равно. Но почему-то изо рта вылетело именно это. Глупая отговорка.

Он закатил глаза:

— Чего ты хочешь? Ты пришла сюда просто поболтать? А у меня в планах было примириться.

— Ты думаешь, обида проходит по щелчку пальцев?

— Ева, блин. — В его голосе зазвучало раздражение. — Ты сама меня сейчас не подпускаешь. Я же пытаюсь наладить отношения.

— Возможно, — сказала я и вдруг добавила то, о чём молчала несколько дней: — Но может, это ты куда-то пропадаешь и отдаляешься от меня?

Я тут же прикусила язык. Поздно.

Его рот сжался в тонкую линию.

— На что ты намекаешь?

Я увидела бурю в его глазах. Жесткую челюсть. Напряжённые плечи. И что-то во мне надломилось. Я вдруг поняла: это не тот парень, которого я хочу видеть рядом. Не такой. Не сейчас.

Я отвела взгляд:

— Ничего. Не важно.

Он коснулся тыльной стороны моего локтя — осторожно, почти ласково. Но я уже не верила этой ласке.

— Что не важно? — спросил он тихо. — Думаешь, я тебе изменяю?

Я встретила с ним взглядом:

— Руслан. У меня много мыслей по этому поводу.

— Каких, например?

— Не сей-

час. Мне нужно идти. Чем дольше я буду у Поли, тем позже вернусь домой.

 Он всё ещё хмурился, но кивнул:

 — Хорошо. Хочешь, завтра заеду за тобой перед учёбой?

 — Давай я сама, — ответила я твёрдо. — Мне нужно время. Подумать, нужны мне такие отношения или нет.

 Он вздохнул и отвернулся. Секунду молчал, а потом сказал глухо:

 — Знаешь, ты стала другой.

 Я смотрела, как он уходит. И знала, что веду себя как стерва. Но ничего не могла с собой поделать. Не сейчас. Не после всего, что случилось.

 В кармане завибрировал телефон. Поля написала: «Ты где? Тебя подождать?» — я отправила короткое «уже иду» и зашагала прочь.

 Только бы не разреветься посреди улицы.

Глава 5

— Светка сказала сегодня, что Андрей спрашивал о тебе! — Поля завизжала так, будто выиграла в лотерею, едва я переступила порог её комнаты.

У меня глаза на лоб полезли от такой новости.

— Что? Какой Андрей?

— Круглов Андрей, — она ухмыльнулась и многозначительно покачала головой, как будто это должно было мне всё объяснить. — Ты можешь в это поверить?

— Ну и что он хочет? — спросила я сухо. Мне было не до этих игр.

— Он просто интересовался, встречаешься ли ты ещё с Русланом.

Она снова схватила меня за руку, и в голосе зазвенело что-то радостное и нетерпеливое:

— Ева! Наконец-то ты можешь бросить Руслана!

— Бросить его? — я опешила. — С чего вдруг?

Поля фыркнула, откинулась на спинку кровати, раскинула руки в стороны и закатила глаза к потолку:

— Как будто ты сама дорожишь этими отношениями. Скажи честно: когда вы в последний раз куда-то ходили вдвоём?

— Сегодня. Он пригласил меня в кафе.

Она резко остановилась, замерла на полуслове и рывком выпрямилась:

— Действительно?

— Да. А что за странные вопросы? Я была со своим парнем, с которым встречаюсь уже три года, — в моём голосе появились жёсткие нотки.

— Понятно, — её рот за-

хлопнулся, но глаза так и остались широко раскрытыми.

— Я что, на допросе? — я встала и направилась к двери.

Терпеть не могу ссориться с подругами, но это уже было перебором.

— Не уходи! — крикнула она и дёрнула меня за руку. Потом усадила обратно, и лицо у неё вдруг стало очень серьёзным. — Значит, если бы Андрей пригласил тебя на свидание, ты бы сказала...?

— Нет. У меня есть парень. — Я нахмурилась, глядя на неё в упор. — Что с тобой происходит? Ты ведёшь себя так, будто мы с Русланом уже расстались.

Она слабо повела плечами, и я заметила, как дёрнулся её уголок губ:

— Ну... вы просто не подходите друг другу.

— Что за бред? — я скрестила руки на груди. — Что с тобой? Ты в последнее время слишком часто меня о нём спрашиваешь.

Голос прозвучал жёстче, чем я хотела. Поля сглотнула. Я видела, как она колеблется.

— Андрей был бы гораздо лучшим парнем, чем Руслан, — начала она медленно, подбирая слова. — И... — по её лицу было заметно, что она через себя переступает. — Руслан изменяет тебе каждые выходные.

Она вскочила с кровати и нервно принялась теревить край своей футболки.

— С чего ты это взяла? — спросила я, стараясь сохранять спокойствие. — Ты сама видела?

— Мне девчонки из лица сказали. Говорят, его постоянно видят с другими, когда тебя нет рядом.

— Спасибо за предупреждение, — ответила я, и в голосе прозвучала ледяная веж-

ливость.

 Я не хотела сейчас это обсуждать. Пока сама не поймаю его за руку — всё это просто сплетни. Может, девчонкам просто завидно?

 — Подожди, — она метнулась ко мне. — Не уходи. Прости.

 — За что? — я повернулась к ней.

 Она замерла в сантиметре от меня и уставилась в потолок, будто там был написан ответ:

 — Э-э... за то, что сказала про Руслана. Но он всё равно подонок.

 — Спасибо, Польша, — я обняла её на прощание и вышла из дома.

 Когда я вернулась в особняк, в доме было темно. Ни огонька. Похоже, никого не было дома... и слава богу.

 На кухонном столе меня ждала тарелка с бутербродом, аккуратно завернутым в плёнку. Сверху был приклеен стикер с моим именем. Я даже не притронулась. Прошла наверх, переоделась в спортивное и вылетела на улицу — бегать, выматывать себя, чтобы хотя бы на час забыть обо всём.

 С пробежки я вернулась через час. Ноги гудели, дыхание сбилось, но внутри стало чуть легче. Я сразу пошла на кухню — просто за водой.

 Села за стол, вытянула ноги и даже свет не стала включать. Темнота успокаивала.

 Я почти допила стакан, когда дверь с грохотом распахнулась, и комнату заполнил пьяный смех. В нос ударила густая волна чужих духов, дешёвого алкоголя и чего-то ещё липкого и чужого. Я ещё глубже вжалась в стул, сливаясь с темнотой.

 Первым на кухню ввалился Кирилл. Он молча подошёл к холодильнику и буквально засунул туда голову,

что-то высматривая. Следом за ним зашёл Марк — не один, а с блондинкой, которая висла на нём как плющ. Он прижал её спиной к столешнице, и его голова тут же опустилась в её декольте. Она засмеялась — этим пьяным, дребезжащим смехом.

Кирилл закрыл холодильник, поднял глаза и замер. Он заметил меня в темноте.

Мы просто смотрели друг на друга. Никто не сказал ни слова.

Девушка взвизгнула — Марк особенно усердно целовал её грудь, не обращая ни на кого внимания. Потом он всё-таки отстранился, довольно ухмыльнулся и повернулся к брату:

— Киря, как думаешь, может, я прямо здесь её трахну? Думаешь, наша новая «мамочка» расстроится? — Он перевёл взгляд на стол. — О, бутерброд!

Он развернул плёнку, и заботливо оставленный для меня ужин исчез в три жевательных движения. Закончив, он потянулся за стаканом воды, который брат молча ему протянул. Выпил залпом, вытер рот тыльной стороной ладони и снова повернулся к девушке.

Она засмеялась, а потом издала какой-то томный стон.

Кирилл прислонился к раковине, скрестил руки на груди и продолжал сверлить меня взглядом. Он не отводил глаз.

— Можешь трахнуть её где хочешь, — спокойно сказал он брату, и голос прозвучал пугающе равнодушно.

Блондинка подняла голову, тяжело дыша. Её мутный взгляд скользнул по Кириллу — изучающе и нагло.

— Может, ты тоже хочешь? — спросила она хрипло. — Тоже можешь взять

меня.
Марк расхохотался, схватил её за руку и потянул к выходу:
— Думаю, нет. Я так не делюсь.
На ночь ты моя, девочка.
Они начали подниматься по лестнице. Девушка всё ещё визжала и хихикала, пока Марк резко не оборвал её:
— Заткнись, а то «мачочку» разбудишь. И тогда никто сегодня трахаться не будет.
Потом на кухне снова стало тихо. Так тихо, что я слышала, как гудит холодильник.
Я медленно отодвинула стул, подошла к холодильнику и снова налила себе воды. Каждое движение давалось с трудом — тело стало ватным. Я развернулась, стараясь не замечать обжигающего взгляда Кирилла, который так и стоял у раковины, и направилась вверх.
У себя в комнате я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула — так, будто до этого не дышала несколько минут.
Только тогда я заметила, что мои пальцы до сих пор сжимают стакан. Они как будто примерзли к стеклу. Я смотрела на свои руки несколько долгих секунд, прежде чем смогла ослабить хватку и поставить стакан на тумбочку.
Руки тряслись. Но не от страха. От омерзения.

Глава 6

С утра я проснулась от назойливого пиликания телефона. Подруги расстарались на славу: куча сообщений с громкими заголовками и восклицательными знаками. Оказывается, наш колледж разгромили со счётом 5:0. И, судя по их восторженным воплям, Власовы играли как настоящие боги. Я пролистала сообщения, не вникая в подробности, и отложила телефон в сторону. Мне было всё равно.

 Я только вышла из душа, накинула полотенце и собиралась спокойно одеться, как дверь моей комнаты открылась без стука. Мама вошла, словно к себе домой — с чашкой чая в руке, грациозно опустилась в кресло и подогнула под себя ноги. Спина прямая, вид гордый, будто она голубых кровей. Я чуть не фыркнула от этой показухи.

 Ну хорошо.

 Я развязала полотенце и совершенно спокойно, голышом, прошла к шкафу.

 — Ева! — выдохнула она и испуганно глянула на дверь. Та, конечно, была открыта настежь.

 Я делала вид, что не замечаю ни её паники, ни холода, пробежавшего по голой коже. Залезла в шкаф, вытащила чёрные узкие джинсы и чёрную майку.

 — Оденься, — голос у неё стал каким-то сдавленным. — Ты не заметила, что дверь открыта?

 Я молча достала чёрный кружевной лифчик и такие же стринги. Она вздохнула — тяжело, с надрывом.

 — Я по-

лагаю, это ты пытаешься мне отомстить? — она сделала глоток чая и посмотрела на меня поверх чашки. — Я ожидала от тебя чего-то подобного. Даже боюсь представить, что ещё ты сделаешь мне назло.

 Я ничего не ответила. Просто натянула джинсы.

 — Почему ты одеваешься как какая-то... — она запнулась, подбирая слово.

 Я медленно обернулась и посмотрела ей прямо в глаза:

 — Как кто, мам?

 Её губы сжались, она помолчала секунду, а потом выдохнула с каким-то вызовом:

 — Как шлюха.

 Одна моя бровь поползла вверх.

 — Ты считаешь меня шлюхой?

 Если бы она знала, что я до сих пор девственница. Внутри всё закипело от обиды, но я сдержалась. Не буду опускаться до её уровня.

 Мама отставила чашку, поправила юбку и сказала уже более мягко:

 — Я думаю, ты одеваешься так, потому что хочешь мне отомстить. Раньше ты никогда так не одевалась.

 — Ну да, — я посмотрела на своё отражение в зеркале. — Раньше у меня была семья.

 Светло-русые волосы, длиной чуть ниже плеч, обрамляли лицо мягкими волнами. Худощавое тело бегуна, мрачные глаза, которые смотрели на меня из зеркала как на чужую. Я себя почти не узнавала.

 — Ева, я беспокоюсь о тебе, — продолжила она, и голос у неё стал почти жалобным. — Ты такая красивая. Я знаю, что другие мальчишки это тоже видят.

 — О чём ты говоришь? — я обернулась к ней.

 — Руслан, — она

беспомощно подняла руку и снова опустила. — Я думаю, ты тратишь на него своё время. Тебе уже двадцать лет. Он тебе явно не подходит. Посмотри на себя... ты такая нежная, красивая, умная.

Мой рот скривился от её «лестной» оценки. Она будто список моих достоинств зачитывала.

— Он тебе изменяет, — добавила она жёстче. — Даже твои подруги мне сказали.

Я замерла.

— Ты говорила со Светой и Полей?

— Конечно. Я же беспокоюсь о тебе.

— Когда?

— Что — когда?

— Когда ты с ними говорила?

Она отвела взгляд, сделала вид, что поправляет невидимую складку на юбке:

— О, я не помню точно. Может быть, месяц назад.

Я повернулась к зеркалу и решила заплести волосы в косу. Светка когда-то показывала, как это делается. Светло-русые пряди скользили между пальцами, коса получалась немного небрежной, но вполне симпатичной. Получилось не так аккуратно, как у Светы, но сойдёт. Хоть какая-то польза от их дружбы.

— Куда ты идёшь? — спросила мама, когда я уже собралась уходить.

Я могла бы просто выйти и хлопнуть дверь. Проиигнорировать всё, что она сказала. Но её голос — виноватый, какой-то сломленный — заставил меня остановиться. Я выругалась про себя.

— Я иду в клуб с подругами, — бросила я.

— Ясно, — сказала она предвзятым тоном. Ясно, что ей это не нравится.

Я закатила глаза и уже открыла рот, чтобы спросить

«что теперь не так?», но промолчала. Не хочу скандала.

 — Кирилл и Марк тоже собираются на встречу с друзьями, — осторожно сказала она. — Может, ты пойдёшь с ними? Ты не можешь вечно их игнорировать.

 Её идея «всем собраться и подружиться» стала уже какой-то навязчивой идеей.

 — Конечно, мам, — выдавила я с сарказмом. — Я сейчас всё брошу и побегу навязываться им в компанию.

 Она вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости:

 — Я просто хочу, чтобы вы ладили.

 Я посмотрела на неё в зеркало. Если бы я не знала её всю свою жизнь, я бы удивилась, увидев это сломленное выражение лица. Такую потерянность. Как будто жизнь выкачала из неё все соки. И мне вдруг стало стыдно. За своё поведение. За холодность. Она ведь правда пытается.

 — Я спрошу у Светы и Поли, не знают ли они о каких-нибудь пафосных вечеринках, — сказала я медленно. — Уверена, братья будут там.

 Мама просияла. Улыбнулась — искренне, по-настоящему, и я на секунду увидела ту женщину, которую помнила из детства.

 — Это очень много для меня значит, — сказала она тихо, поднялась с кресла, поцеловала меня в лоб и выскользнула из комнаты.

 Я стояла посреди комнаты и чувствовала себя полной дурой. Собственная мать обвела меня вокруг пальца. Заставила сдаться. И я сдалась.

 Я снова посмотрела в зеркало. На чёрные джинсы, чёрную майку, эту мрачную тоскливую гамму. Светло-русые волосы выби-

лись из косы и мягко обрамляли лицо — такие светлые, почти пепельные у корней и чуть теплее к концам.

 И решила переодеться.

 Чёрное полетело в сторону. Вместо него я натянула розовые узкие брюки и блестящий топ телесного цвета, который облепил тело как вторая кожа. Косу расплела — пусть волосы лежат свободно, ниже плеч, слегка влажными прядями. Я посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась.

 У моей мамы случился бы сердечный приступ, если бы она увидела меня сейчас.

 Я подхватила сумку и направилась к выходу. В груди колотилось какое-то непонятное возбуждение. Может, потому что я собиралась сделать именно то, от чего она бы пришла в ужас. А может, потому что впервые за долгое время я делала что-то не для других — а для себя.

 Вечер обещал быть интересным.

Глава 7

Когда я пришла в клуб, дискотека уже гремела на полную. Музыка била по ушам, световые вспышки резали глаза, а в воздухе пахло потом, алкоголем и чем-то сладким — то ли духами, то ли дымом из кальяна.

 Руслан заметил меня первым. Он как будто только меня и ждал — мгновенно возник передо мной и притянул к себе, заключив в крепкие объятия.

 — Может, пойдём куда-нибудь? — прошептал он мне на ухо, почти прорычал, и я почувствовала, как его дыхание обжигает кожу. — Ты вошла в эту дверь, и у меня сразу встал.

 Я отстранилась и слегка хлопала его по щеке — так, беззлобно, но с намёком.

 — Прекрати.

 Потом развернулась и направилась к бару.

 Он застонал у меня за спиной, но всё же пошёл следом. Его рука снова обвила мою талию и притянула обратно.

 — Я серьёзно, — его голос стал низким и хриплым. — У меня в штанах тесно. Тело требует разрядки.

 Я открыла рот, чтобы ответить — сказать что-то резкое, осадить его, — но слова застряли в горле.

 Потому что толпа перед нами вдруг расступилась.

 Как море перед Моисеем.

 Кирилл и Марк шли сквозь танцпол, а с ними ещё несколько парней — их друзья, как я поняла. Они двигались так, будто весь этот клуб принадлежал им. И знаете что? Судя по тому, как люди

перед ними расступались и провожали их взглядами, так оно и было.

Они подошли к бару и остановились в паре метров от нас. Марк скользнул по нам равнодушным взглядом, усмехнулся — скорее сам себе, чем кому-то — и отвернулся, схватив бутылку с барной стойки. Кирилл облокотился на стойку, и в этот момент его глаза встретились с моими.

Всего на секунду. Но мне показалось, что он видит меня насквозь.

Руслан ткнул меня локтем в бок: — Ты знаешь их? — Нет, — отрезала я и тут же отошла от бара подальше.

Чуть позже Поля нашла нас за столиком. Она была пьяна — очень пьяна, — едва стояла на ногах, шаталась и всё время хваталась то за край стола, то за моё плечо.

— Вы видели их? — спросила она заплетающимся языком.

— Их? — Руслан нахмурился недовольно. Он явно был не в восторге от того, что его перебивают.

— Братьев Власовых, — пояснила Поля, широко и глупо улыбаясь.

Я нахмурилась. Как её заткнуть? Прямо сейчас, сию секунду? Но Поля уже разогналась, и остановить её было невозможно.

— Кирилл такой красивый, — мечтательно протянула она. — Может, мне стоит сказать ему, что я была на заправке той ночью? Может, у нас с ним завяжется разговор?

— Почти уверен, что полчаса назад он поднимался наверх с какой-то блондинкой, — отрезал Руслан. — Так что не обольщайся.

Поля нахмурилась, но быстро отмахнулась: — Ну и ладно.

— Где Света? — спросила я, обводя взглядом клуб в поисках хотя бы знакомого лица.

 Поля неловко развернулась — чуть не упала — и вытянула руку, показывая куда-то вглубь зала:

 — Она сзади, в бильярдной, с Марком.

 Руслан поёрзал рядом со мной, встал и сказал:

 — Я принесу выпить. Ева, тебе принести?

 Я протянула ему свой пустой стакан, но он уже отвлёкся на что-то — на экран телефона, на проходящую мимо девушку, не знаю, — и ушёл, не взяв его.

 Я осталась сидеть с глупо протянутой рукой и пустым стаканом.

 Поля тут же заняла его место, привалившись ко мне плечом:

 — Они неплохо смотрятся вместе, — заявила она, имея в виду Свету и Марка. — Может, начнут встречаться?

 — Он не такой хороший, Польша, — ответила я устало. — Его репутация бежит впереди него. Вряд ли он вообще с кем-то будет в отношениях.

 Но Поля меня уже не слушала. Она трещала без умолку, перескакивая с темы на тему, и я чувствовала, как у меня начинает раскалываться голова.

 Я встала из-за столика. Всё. Не могу больше выносить этот пьяный бред.

 Я пошла искать Руслана — сказать ему, что ухожу домой. Клуб был двухэтажный, и я быстро обошла первый этаж, заглядывая в каждый угол. Нигде. Тогда я поднялась наверх.

 На втором этаже были отдельные кабинки. Я заглянула в первую — пусто. Во вторую — никого. А в третьей...

 Я не ожидала найти его там.

 Он стоял на ко-

лениях на диване, а под ним извивалась какая-то девушка. Он целовал её шею, руки его шарили по её телу, и выглядело это так пошло, так дешёво, что меня затошнило.

 Он хмуро обернулся на звук открывшейся двери. Увидел меня. И клянусь, его лицо стало белым как мел — будто он призрака увидел, а не свою девушку.

 Девушка вывернулась из-под него, торопливо натягивая чёрный топик обратно на грудь.

 Я рассмеялась. Холодно. Сухо. Даже сама удивилась этому смеху.

 — Ты что, издеваешься?

 — Ева, подожди! — Он слез с дивана, но я уже развернулась, чтобы уйти. Он поймал меня за руку в коридоре. — Подожди, пожалуйста!

 — Я даже не удивлена, — сказала я спокойно. На удивление спокойно.

 Хотя внутри всё колотилось. Сердце бешено стучало, ярость клокотала в груди, руки дрожали, ноги подкашивались, колени тряслись. Но голос — голос оставался ледяным.

 Он смотрел на меня с удивлением. И со страхом. Как будто впервые видел такой.

 — Разве это не конец нашим отношениям? — спросила я, глядя в его жалостливые глаза.

 — Конец? — Его кадык дёрнулся вверх-вниз. Он сглотнул.

 — Ты серьёзно? — я снова рассмеялась и махнула рукой в сторону кабинки. — Ты был с другой девкой.

 Он прищурился и машинально подтянул штаны, которые сползали с бёдер.

 В этот момент за его спиной открылась соседняя дверь, и оттуда вышел Кирилл под руку с тощей блон-

динкой. Она висела на его шее как тряпичная кукла, прижималась головой к его груди и довольно улыбалась — мутно, пьяно, счастливо.

Кирилл увидел меня и остановился. Его взгляд скользнул по мне, потом по Руслану, потом по открытой двери кабинки и девушке внутри. Он замер и просто наблюдал, скрестив руки на груди. Лицо — ни одной эмоции.

Руслан разрушил эту странную паузу.

— Я знаю, как это выглядит со стороны, — затараторил он. — Это пипец, я понимаю. Но... ты сама во всём виновата. — Он ткнул в меня пальцем. — Посмотри на себя. Ты сексуальная, красивая, умная... И Ева, нам уже не по пятнадцать лет. Трахаться уже можно! Я что, каменный? Я три года был твоим парнем! Мне потребовалось полтора года, чтобы увидеть твои сиськи!

Мои глаза метали молнии. Снаружи я сохраняла каменное выражение лица, но внутри в моём мозгу уже мелькали картинки, как я его душила. Всеми десятью пальцами. Медленно и с удовольствием.

Он провёл рукой по взлохмаченным волосам — нервно, судорожно:

— Я изменяюсь, Ев. Обещаю. Я люблю тебя.

— Вот это ты называешь любовью? — тихо спросила я.

— Три года! — почти закричал он. — Это должно что-то значить!

— Прекрати ломать комедию, — произнесла я не своим голосом. Твёрдо. Чётко. Холодно.

Он выглядел так, будто собирался возразить. Потом что-то мелькнуло на его лице — какая-то злая решимость. И вместо слов из него вырвалось рычание:

 — Почему бы тебе не снять свою корону, а, принцесса? Ладно. Мы расходимся. Я не собираюсь валяться у тебя в ногах.

 Я ухмыльнулась.

 Что и требовалось доказать. Добиваться кого-то — это точно не его конёк.

 Он выплюнул с такой желчью, что брызги слюны полетели в разные стороны:

 — Ты просто какая-то офигевшая сучка.

 Я краем глаза заметила, что Кирилл так и стоит в стороне, прислонившись к стене. Не уходит. Просто наблюдает за нашей сценой как зритель в театре. Его блондинка уже куда-то исчезла. На его лице — ни сочувствия, ни усмешки, ничего.

 Я оторвала от него взгляд и посмотрела на Руслана.

 — Разве не хочешь знать, с кем я был? — спросил он вдруг, и в голосе зазвучала какая-то гнусная гордость. — Ты ничего не подозревала?

 — Сейчас это имеет значение?

 — Ну ты и дура, — жестокая ухмылка расплзлась по его лицу. Он засунул руки в карманы штанов и посмотрел на меня свысока.

 — Может быть, — ответила я ехидно. — А может, мне просто было плевать на тебя?

 Он рассмеялся.

 — Да, Ева. Я тебе всё время изменял. А ты даже не догадывалась.

 Моё сердце ёкнуло.

 — Всё время?

 Он снова рассмеялся.

 От этого звука по спине побежали мурашки — мерзкие, колючие.

 — У тебя плохой вкус на подруг.

 — Подруг? — Мои глаза блеснули, внутри всё похолодело.

 Он стоял передо мной такой само-

довольный, такой уверенный в своей безнаказанности:

 — Я сплю со Светой уже два года.

 — Что?
— Я не поверила своим ушам. Это было за гранью. За всеми мыслимыми гранями.

 — И Полина твоя знала, — продолжил он, наслаждаясь каждым словом. — Она помогала нам скрывать это.

 — Поля... знала? — повторила я как эхо.

 Дура. Какая же я была дура. Не видела крыс в собственных подругах. Доверяла. Думала, они меня любят.

 Руслан усмехнулся и покачал головой:

 — Я был бы здесь сегодня с ней, если бы она не была так одержима Марком.

 Я влепила ему пощёчину. От души. Ладонь горела, в ушах зашумело.

 Он уставился на меня широко раскрытыми глазами — в них смешались шок, боль и какая-то животная злость.

 Воздух стал густым, тяжёлым. Мне было трудно дышать.

 Я развернулась и ушла. Не оборачиваясь. Не сказав больше ни слова.

 Рука, которой я ударила его, дрожала. Пальцы тряслись крупной дрожью. Даже когда я вернулась домой, даже когда разделась в темноте и заползла под одеяло — рука продолжала дрожать.

 Почему это всё происходит со мной?

 Моя жизнь рушится как карточный домик. Один удар — и всё рассыпается. Семья, любовь, дружба. Всё, во что я верила, оказалось ложью.

 Я свернулась клубочком в огромной кровати, уставилась в стену и просто лежала. Не плакала. Не могла. Внутри была такая пустота, что слёзы просто не находили места.

За окном гремела музыка — клубная, чужая, далёкая. А я
лежала и смотрела, как по стене ползёт уличный свет.

 Мне казалось, что хуже уже быть не может.

Но в глубине души я знала: это только начало.

Глава 8

Утром я вышла на пробежку. В голове был хаос — мысли метались как загнанные звери, одна за другой, обрывки фраз, лица, голоса. Потом хаос вдруг схлынул, и вместо него пришла пустота. Такая звенящая, холодная пустота, в которой даже думать не хотелось. Я просто бежала. Бежала, пока ноги несли. Вернулась только через два часа — тело гудело, в лёгких жгло, но внутри стало чуть легче.

Когда я подбегала к дому, то заметила кучу машин, припаркованных прямо у крыльца. Дорогие, блестящие, одна другой круче. Похоже, Власовы устроили вечеринку.

Я обошла их стороной, поднялась к себе, приняла душ и села на кровать. Взяла телефон — и сразу пожалела. Поля и Света завалили сообщениями: «Куда ты ушла? Почему не попрощалась? Что случилось?» Я выключила телефон, даже не дочитав. Не сейчас. У меня нет сил на объяснения, нет желания врать или выслушивать их оправдания.

Я взяла книгу — любую, первую, что попала под руку, — и решила просто уйти в неё с головой. Строчки сливались, смысл ускользал, но я продолжала читать, заставляла себя, лишь бы не думать.

Ближе к вечеру я спустилась на кухню за водой. Выглянула в окно — вечеринка всё ещё шла. Кто-то хохотал в саду, звякали стаканы, играла музыка, приглушённая расстоянием.

Я потянулась за кув-

шином и чуть не подпрыгнула на месте, когда поняла, что я не одна.

Кирилл стоял рядом. Вплотную. Когда он успел подойти? Он протянул руку, слегка задел меня, беря кувшин со столешницы. Я почувствовала тепло его тела — такое близкое, что стало трудно дышать. Когда он отодвинулся, я выдохнула — про себя, тихо, чтобы он не услышал. И даже не повернулась в его сторону. Сделала вид, что ничего не произошло.

В гостиной раздался голос Марка — он что-то радостно прокричал, и по лестнице загрохотали шаги. Он пробежал через дом и вылетел на улицу с криком: — Наконец-то! Ты приехал!

Я выглянула в окно. Марк пытался в шутку залезть на какого-то парня — обхватил его со спины, повис, смеясь. Я не знала, кто это. Возможно, дальний друг или кто-то из компании. Парень был высоким, с угольно-черными волосами — такими же, как у Кирилла. Те же резкие черты лица, та же порода.

Когда я обернулась, Кирилла рядом уже не было. Он вышел на крыльцо, чтобы поприветствовать вновь прибывшего. Они обнялись, оба улыбались — искренне, по-настоящему, как старые друзья.

Я не стала больше наблюдать. Поднялась к себе, включила телефон и тут же пожалела об этом.

Сообщение от Поли: «Руслан сказал, что вы расстались. ПОЗВОНИ МНЕ!»

Я проигнорировала. Просто включила сериал и залипла в экран до самого сна. Пусть говорят и делают что хотят. Я не готова.

В понедельник я пришла в лицей, и настроение

упало окончательно, когда так называемые подруги поймали меня в коридоре.

— Что случилось у вас с Русланом? — Поля задыхалась, будто бежала за мной от самого входа.

Светка нахмурилась и поправила книги в руках — нервно, суетливо:

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

Я остановилась посередине коридора. Посмотрела на них — сначала на одну, потом на другую. И высказала всё, что копилось внутри.

— Можете больше не притворяться. Я всё знаю. Одна — подстилка для чужого парня, а другая её прикрывала.

Поля ахнула. Лицо её побледнело так, что стали видны веснушки. А Света густо покраснела, дёрнулась, как от удара, и быстро зашагала прочь, не оборачиваясь.

Полина осталась стоять на месте. Белая как мел. Не шевелилась.

— Как ты могла? — спросила я с таким презрением, что слова прожгли воздух.

Она опустила голову и молча ушла.

Правильно. Что она могла мне сказать? «Прости»? «Я не хотела»? Поздно.

День прошёл как в тумане. Я механически переходила из кабинета в кабинет, открывала тетради, закрывала их. Не слышала учителей, не запоминала слов.

Но на последнем уроке я заметила, что одна из одноклассниц всё время пялится на меня. Обычно я не обращаю внимания на такие вещи, но сегодня я была на взводе. Каждый взгляд казался вызовом.

— Тебе что-то нужно? — спросила я резче, чем собиралась.

Она огляделась по сторонам, откину-

ла с лица рыжие кудри и наклонилась вперёд — так близко, чтобы никто не услышал. Её пухлый локоть отодвинул мой в сторону.

— Вы с Русланом расстались, да? — прошептала она.

Я кивнула и скрестила руки на груди. Мне уже надоело отвечать на этот вопрос.

— Это правда, что Андрей Круглов пригласил тебя на свидание?

Я подняла бровь в недоумении. Откуда такие новости?

Из неё вырвался пронзительный смешок — скорее визг, чем смех.

— Он просто расспрашивал твоих подруг о тебе в эти выходные.

— Они не мои подруги, — поправила я сухо.

— Да? — Её глаза продолжали метаться по сторонам, будто она боялась, что кто-то подслушает. — Так ты собираешься сказать «да» на его предложение?

— Кто ты? — спросила я прямо. — И какое тебе вообще дело?

— Меня зовут Юля.

Я посмотрела на неё внимательнее. Что-то знакомое было в её лице. И тут меня осенило.

— Ты двоюродная сестра Руслана?

Она заёрзала на стуле, но не отвела взгляд.

— Да. Ну так что? Ты собираешься встречаться с Андреем?

— Почему ты спрашиваешь? Руслан тебя попросил?

Её щёки стали пунцовыми.

— Этот мудак? Ещё чего.

Я закатила глаза.

— Тогда почему тебя волнует моя жизнь?

Она пожала плечами и вдруг сказала совершенно искренне.

— Может быть, я хочу с тобой дружить.

— Друзей переоце-

нивают, — бросила я.

 — Нет, если они становятся действительно хорошими друзьями, а не только на словах. — В её голосе появилась твёрдость. — Светка завидует тебе с шестого класса. А у Полины не хватает мужества. Она всегда делает то, что говорит Света. Все это знают. Я всегда удивлялась, почему ты этого не замечала.

 Я вздохнула. В глубине души я знала, что она права. Просто не хотела признавать.

 — По поводу Андрея, — сказала я устало, — я не в курсе. И мне плевать.

 — Так ты собираешься согласиться? — не унималась Юля.

 Прозвенел звонок. Я отодвинула стул и вышла из-за парты, не ответив.

 Она догнала меня в коридоре, задыхаясь:

 — Я правда хочу быть твоим другом! Я докажу тебе!

 Развернулась и пошла в другую сторону, оставив меня стоять с приоткрытым ртом. Странная девушка. Чудачка. Но что-то в ней было... настоящее.

 Я не успела додумать эту мысль, потому что путь мне преградила другая фигура.

 Я застонала внутри. Не сдержала тихого рычания.

 — Даша, привет.

 Одна из мажорок, которая давно заглядывалась на Руслана. Сегодня она выглядела особенно победно — вздернутый подбородок, сверкающие голубые глаза, обесцвеченные волосы, перекинутае через плечо.

 — Привет, — ответила она томным голосом.

 Я попыталась обойти её, но она шагнула в сторону, перегородив дорогу.

 — Что ты хочешь?

 — Я теперь встречаюсь с

Русланом, — объявила она с вызовом.

 Меня уже ничем нельзя было удивить.

 — И что? — спросила я равнодушно.

 Она зло прищурилась:

 — Чтобы ты знала и держалась от него подальше.

 Я посмотрела на неё — на её дешёвый блеск, на её фальшивую уверенность. И улыбнулась.

 — Ему нравятся правильные девочки, — сказала я спокойно. — Но, судя по твоей репутации... ты далека от этого. Так что — удачи.

 Её самодовольная улыбка чуть померкла. Но я не остановилась.

 — Ты же знаешь, что он два года изменял мне с моей лучшей подругой? — спросила я, наклоняясь чуть ближе.

 — Я — не ты, — гневно выдавила она, но в голосе уже не было прежней уверенности. — Света больше не будет с ним спать. Она делала это только для того, чтобы отомстить тебе. И, судя по тому, что я слышала, она сейчас с Власовым.

 — Ага, — я откинула голову и рассмеялась — громко, неестественно, почти истерично.

 Вокруг нас уже собиралась толпа. Зевачки, которым больше нечем заняться. Я чувствовала на себе их взгляды, но мне было всё равно.

 Вдруг сквозь толпу протиснулась Вика Солнцева. Она коснулась Дашиной руки:

 — Что ты делаешь, Даш?

 — Я отстаиваю свою позицию, — глаза Даши гневно сверлили меня.

 Я закатила глаза и фыркнула:

 — Ты что, шутишь? Встречайся с Русланом, если хочешь. Мне на него уже плевать.

 Мой голос звучал отстранённо

— так, будто речь шла о чужом, давно забытом деле.

 Кто-то выдохнул. Кто-то рассмеялся. Я развернулась, чтобы уйти, и вдруг увидела Руслана.

 Он стоял прямо позади меня — нахмуренный, с обиженным взглядом, который он не успел спрятать. На секунду наши глаза встретились.

 Я посмотрела на него спокойно. Ни злости, ни боли — только странная пустота, которая поселилась внутри ещё ночью.

 Я развернулась и пошла прочь, а толпа расступилась передо мной, как вода.

 День ещё не закончился, но я уже хотела, чтобы он закончился. Прямо сейчас. Чтобы я могла лечь в кровать, накрыться одеялом с головой и не видеть никого — ни предателей, ни зевак, ни тех, кто смотрит на меня с жалостью или злорадством.

 Но я шла по коридору с прямой спиной. Потому что показывать слабость я больше не собиралась. Никому. Никогда.

Глава 9

Мне нужно было с кем-то поговорить. По-настоящему. Не с подружками-предательницами, не с мамой, которая смотрит на меня чужими глазами, а с тем, кому я ещё могла верить.

Поэтому я пошла в кабинет отца. Он находился в мужской раздевалке — странное место для разговора по душам, но другого выхода не было. Хорошо, что в коридоре никого не оказалось, и я быстро проскользнула в открытую дверь.

Он как раз вышел из туалета, вытирал руки полотенцем и замер, увидев меня.

— Ева?

— в его голосе смешались удивление и беспокойство.

— Привет, — сказала я и оглянулась через плечо.

Откуда-то издалека донеслись мужские голоса — они приближались. Я быстро закрыла дверь и села на первый попавшийся стул, прижимая к себе книги, как щит.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, всё ещё не двигаясь с места.

Я посмотрела на книги у себя на коленях и тихо ответила:

— Я не видела тебя с тех пор, как мы переехали.

— Да... я знаю, — голос его звучал устало. Он сел за свой стол, и я заметила, как его палец начал постукивать по столешнице.

Привычка. Он всегда так делал, когда нервничал.

— Как дела? — спросила я.

На его лице появилась слабая, вымученная улыбка:

— В порядке. Это я должен спросить

у тебя, как дела?

 Я пожала одним плечом, стараясь выглядеть беззаботной:

 — А что со мной? Это ведь не я недавно развелась.

 Он посмотрел на меня печальными глазами — так смотрят на что-то безвозвратно потерянное, — но промолчал. Ему нечего было на это сказать.

 Повисла тишина. Я собиралась с духом.

 — Руслан и я расстались, — выдохнула я.

 — Да? — его брови слегка приподнялись. — А почему?

 — Он мне изменял.

 Лицо отца не выражало никаких эмоций. Он просто смотрел на меня, и этот взгляд почему-то было выдержать тяжелее всего.

 Мои руки сплелись в замок поверх книг, я уставилась на собственные колени:

 — Со Светой. Ты её помнишь, да? Она была моей близкой подругой.

 Тишина. Гулкая, тяжёлая.

 — В течение двух лет, — продолжила я, и голос дрогнул. — И Поля знала об этом. Она прикрывала их.

 Он спросил тихо — так тихо, что я едва расслышала:

 — Зачем ты мне это рассказываешь, Ев?

 Я подняла на него глаза:

 — Ты мой близкий человек. Разве нет?

 Я искала в его лице поддержку. Тепло. Хотя бы что-то, за что можно зацепиться.

 — Мне жаль, что он тебе изменил, — сказал он медленно. — Ужасно это узнать.

 — Мама так же поступила с тобой, — вырвалось у меня, и я тяжело сглотнула.

 Он замер.

 Его палец перестал стучать по столу. Он глубоко вздохнул, опустил голову и несколько

секунд просто сидел неподвижно. А когда снова посмотрел на меня, я отшатнулась.

 Боль в его глазах была такой ясной. Такой очевидной. Она была прямо в лицо, и на мгновение я потеряла дар речи.

 Он прошептал — едва слышно, словно боялся, что стены услышат:

 — Я не могу продолжать лгать тебе.

 — Пап? — я не поняла. Голос прозвучал глупо и растерянно. — Ты о чём?

 Он стыдливо отвёл взгляд — так, будто ему было физически больно смотреть на меня.

 — Я не твой отец.

 Я засмеялась. Коротко, резко, нервно. Не веря ни единому слову.

 — Я серьёзно, — повторил он, и в голосе не было ни капли шутки. — Я не твой биологический отец.

 Я смотрела на него и видела — он не врёт. Его глаза, его лицо, его сломанный голос — всё кричало о правде.

 Боль пронзила меня где-то глубоко внутри. Острая, холодная, незнакомая. Мои пальцы вцепились в боковины стула с такой силой, что костяшки побелели. Книги упали на пол, одна из них угодила прямо по пальцу ноги, но я ничего не почувствовала.

 Что-то треснуло.

 Я подняла руку и увидела, как из-под ногтей сочится кровь — я так сильно впилась в дерево, что сломала ногти.

 — Ева, отпусти стул, — сказал он встревоженно.

 — Что? — я дёрнула подбородок вверх, пытаясь разглядеть его лицо.

 Но оно расплывалось. Слезы застилали глаза, и я моргала, моргала, но ничего не помогало.

 Он встал, обошёл мой стул и насильно

отцепил мои пальцы от дерева. Что-то выругался себе под нос — я не разобрала, — и куда-то ушёл.

 А моя голова рухнула на колени.

 Я зарыдала. Громко, навзрыд, выплёвывая из себя всю боль, все слёзы, которые копились внутри эти дни. Всё, во что я верила, рушилось — семья, любовь, дружба, а теперь даже то, кем я себя считала.

 Послышались шаги. Кто-то подошёл, и сильные руки подняли меня в воздух.

 — Положите её на тренерскую кушетку, — голос отца звучал где-то над ухом. — Андрей, позови медсестру.

 Меня уложили на спину, кто-то поднял мои руки вверх — для притока крови, что ли, — и я почувствовала, как на пальцы льётся что-то прохладное и влажное. Я тупо смотрела в потолок. Без мыслей. Без чувств.

 — Ева, — голос отца был приглушённым, он сидел рядом. — Мне очень жаль.

 Я не ответила.

 — Она заставила меня хранить этот секрет, — продолжил он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Я давно должен был сказать тебе. Анна не хотела...

 Шаги возвращались, на этот раз громче, быстрее. Моя голова откинулась набок, и я увидела медсестру — пожилую женщину с озабоченным лицом — и ещё одного мужчину в белом халате. Они спешили ко мне.

 — Евочка, доченька... — отец низко наклонился, но я молча смотрела на него.

 Он нахмурился, закрыл глаза — как будто боролся с чем-то внутри. Когда открыл их, в них была такая вина, что у меня сжалось сердце.

 — Про-

сти... — прошептал он.

А я лежала на жёсткой кушетке в мужской раздевалке, смотрела в потолок и чувствовала, как мир вокруг меня трещит по швам. Слишком много за один день. Слишком много правды. Слишком много лжи.

Моё тело было здесь, но сама я была где-то далеко — наблюдала со стороны за этой глупой девчонкой, у которой только что отняли последнюю опору.

Кем я теперь была? Если не его дочь? И кто тогда мой настоящий отец?

Вопросов было так много, что они душили. А ответов — ноль.

Медсестра что-то говорила, промокала мои пальцы, перевязывала. Отец стоял рядом и не уходил. Но я не чувствовала его присутствия. Я вообще ничего не чувствовала.

Только пустоту.

Бесконечную, холодную пустоту, которая разрасталась внутри, заполняя каждую клеточку.

Я закрыла глаза и провалилась в тишину.

Глава 10

После того как медсестра обработала мои руки и перевязала пальцы, я вышла из колледжа. Не домой — туда я была не готова. Не к подругам — их у меня больше не было. Я просто села на бордюр у крыльца и уставилась в асфальт.

Просидела так, наверное, часа два. Мимо ходили люди, кто-то смеялся, кто-то звал меня по имени, но я их не слышала. Я сидела в какой-то вакуумной тишине, переваривая информацию, которая перевернула всё, что я знала о себе.

Потом рядом со мной кто-то опустился.

— Что с руками? — спросила Юлия, и в её голосе я действительно услышала беспокойство. Не праздное любопытство — настоящее.

— Упала, — соврала я на ходу. — Нечаянно свезла об асфальт.

— Но ничего серьёзного? — не отставала она.

— Всё хорошо, — солгала я во второй раз.

Она помолчала секунду, а потом улыбнулась — осторожно, будто боялась спугнуть:

— Я проголодалась. Не хочешь где-нибудь перекусить? Только не в нашей столовке.

Я посмотрела на неё. Странная рыжая девчонка, которая лезет в мою жизнь без приглашения. Но в её глазах не было жалости. Не было корысти. Может, именно это мне сейчас и нужно — просто быть с кем-то, кто ничего от меня не хочет.

— Давай, — кивнула я и встала.

Лучше от-

влечься сейчас, чем думать об отце... а точнее — о том, кем он мне теперь приходится.

Мы зашли в небольшое кафе рядом с колледжем. Уютное, с деревянными столиками и запахом свежей выпечки. Юля наклонилась ко мне и прошептала почти заговорщицки: — Сюда требуются сотрудники. Я написала резюме. Очень хочу здесь работать.

— Ты уже отдала им резюме?

— Да. Месяц назад.

— Они вызывали на собеседование?

Её улыбка померкла, стала какой-то виноватой: — Администратор сказала, что они полностью укомплектованы, но позвонят, когда появятся свободные места.

Я подняла глаза к стойке. Прямо под кассой висела табличка: «Требуются работники». Крупными буквами. На самом видном месте.

За стойкой стояла миниатюрная девушка с широкой, какой-то пластмассовой улыбкой. Увидев, что мы смотрим в её сторону, она тут же спросила: — Я могу вам помочь?

— Нет, — сказала я резче, чем собиралась, развернулась и направилась к выходу.

— Ева, ты куда? — Юля поспешила за мной. — Мне нравится это место!

Я остановилась у двери и повернулась к ней: — Послушай моего совета. Не позволяй этим людям относиться к тебе неуважительно. Им нужны работники, но из-за их стереотипов тебя не взяли. — Я толкнула дверь и шагнула наружу — и в ту же секунду врезалась в кого-то на полном ходу.

Я вскрикнула от неожиданности и боли —

нос прострелило, глаза защипало, на глаза навернулись слёзы. Чьи-то руки схватили меня за плечи и мягко отставили в сторону.

— О... привет... — раздался рядом приятный голос Юли. Она вдруг зазвучала как-то по-особенному, елебно.

Я втянула воздух сквозь зубы, пытаюсь справиться с болью. Из-за слёз я не могла разглядеть, кто стоит передо мной.

Голос — низкий, знакомый — спросил: — Что случилось с её руками?

Я услышала, как Юля торопливо ответила: — Она упала.

— Она, наверное, выцарапала кому-то глаза? — тот же голос засмеялся, и к нему присоединился другой — тоже мужской, тоже знакомый.

— Не думаю, — голос Юли стал мягче, даже слабее, будто она таяла на глазах.

Боль потихоньку отступала. Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони и наконец смогла разглядеть, кто передо мной.

Моё сердце остановилось на долю секунды.

Конечно. Только мне могло так повезти.

Кирилл стоял прямо передо мной — нависал, как скала. Марк возвышался чуть позади, рядом с их другом, который усмехался, глядя на нас.

Я нахмурилась и резко стряхнула руку Кирилла со своего плеча.

— Всё в порядке, — бросила я и зашагала прочь, не оглядываясь.

— Ева, подожди! — Юля догнала меня через несколько шагов. — Я провожу тебя.

— Не нужно, — сказала я сквозь стиснутые зубы. — Тут недалеко. Увидимся.

Я завернула за угол и побежала.

Спасибо, что догадалась надеть кроссовки — иначе было бы совсем тяжело.

 Я бежала, пока не закололо в боку. Потом сбавила шаг, перешла на быструю ходьбу, потом просто побрела. Ноги ужасно ныли.

 Когда рядом со мной притормозила машина, я была готова к чему угодно — к тому, что из окна высунется Марк с какой-нибудь гадостью, или Руслан с новыми оскорблениями. Но, к моему удивлению, это был «папа».

 Он протянул руку и открыл пассажирскую дверь. Я без слов забралась внутрь и рухнула на сиденье — сил не осталось совсем.

 Он включил кондиционер, и машина плавно тронулась с места. Голос его звучал устало, будто он нёс этот день на своих плечах:

 — Почему-то я знал, что встречу тебя.

 Я выдохнула. Мне нечего было сказать. Слова застряли где-то глубоко в горле, и я даже не пыталась их вытащить.

 Он смотрел на дорогу, но говорил так, будто обращался не ко мне, а к самому себе:

 — Ты всегда была упрямой и гордой. Я всегда говорил Анне, что она либо сделает тебя лучше, либо сломает.

 Я закрыла глаза и прижалась головой к стеклу.

 Машина развернулась на перекрёстке.

 — Я знаю, что у тебя могут быть вопросы ко мне, — продолжил он, — но не уверен, что смогу на них ответить. Анна всегда хотела, чтобы я молчал. Поэтому я молчал. Я любил её. А теперь...

 — Ты воспитывал меня всю мою жизнь, — перебила я.

 Мне было так обидно за себя. Почему взрослые

думают только о своих чувствах? О своих удобствах? О своих секретах, которые они хранят годами, не думая о том, как это ударит по тому, кто им доверяет?

Но я не сказала этого вслух.

Он остановил машину и повернулся ко мне. Его взгляд впился в мой, и я не могла отвести глаза.

Моё сердце стучало так громко, что я слышала каждый удар — глухой, тяжёлый, как молот.

Он выглядел бесстрастным — внешне, по крайней мере. Потом глубоко вздохнул и сказал: — Послушай. Если хочешь, я могу подвозить тебя на учёбу.

Я оглянулась. Мы стояли недалеко от особняка Власовых.

— Я буду здесь завтра в семь утра, — добавил он. — Тебе не нужно предварительно звонить. Я буду ждать.

Я кивнула. Молча вылезла из машины.

— Увидимся завтра! — крикнул он мне в спину.

Я не обернулась.

Он уехал, а я пошла по подъездной дорожке к дому. Перед входом была припаркована только одна машина — новый кабриолет мамы, который она купила на той неделе, когда мы переехали. Блестящий, пафосный, чужой. Как и вся её новая жизнь.

Я вошла в дом и сразу услышала её голос — она с кем-то говорила по телефону, щебетала о чём-то неважном.

Увидев меня, она закончила разговор и улыбнулась: — Привет, дорогая. Ты меня напугала. Как у тебя дела? — Она заметила мои перевязанные руки и нахмурилась: — А это что такое?

Она потянулась к моей руке, но я отдерну-

ла.

 — Всё в порядке. Ничего страшного.

 — Ты подралась?

 — Мам, ну ты совсем? — я закатила глаза и выдала первое, что пришло в голову: — Я открывала дверь, замешкалась, а кто-то с другой стороны хлопнул её. Нечаянно.

 — Хорошо, — она покачала головой, как будто поверила, и тут же переключилась на своё: — Мальчики скоро вернутся домой. У них тренировка затянулась. Мы с Владимиром хотим устроить семейный ужин. Что думаешь?

 «Это будет отстой», — мысленно сказала я.

 Она уже проплыла мимо меня в коридор, продолжая щебетать:

 — Как думаешь, им понравится мясной рулет? Они, кажется, любят мясо. Или пасту? Курицу с макаронами? Шеф-повар ушёл домой, я попросила его сделать себе выходной. Хочу приготовить этот ужин сама.

 Я нахмурилась и поплелась за ней.

 Она свернула на кухню и засияла:

 — Хочешь помочь? Могла бы приготовить своё знаменитое блюдо из кабачков. Ты всегда готовила его для Руслана.

 — Может, мне его пригласить? — спросила я с ледяной усмешкой.

 Она рассмеялась — тем смехом, который раньше казался мне тёплым, а теперь звучал зловеще:

 — Ты такая забавная. Должно быть, унаследовала это от своего отца. Дмитрий тоже так подшучивал.

 Я хотела высказать ей всё. Крикнуть, что я знаю про обман, про ложь, про то, что человек, которого я двадцать лет считала своим отцом, мне никто. Но слова застряли в

горле.

 Не сейчас.

 Я не готова.

 Она ушла на кухню, а я поднялась в свою комнату. Переоделась в спортивное и вышла на пробежку.

 Я должна вернуться назад в этот — не мой — дом. Я не могла продолжать убегать от мамы или от того, что она сделала с нашими жизнями. Но сейчас я собиралась справиться со штормом, который бушевал внутри меня.

 В тот момент мне было всё равно, когда я вернусь. Хоть далеко за полночь. Желательно, когда все уже спят. Я запрусь у себя в комнате и буду делать вид, что меня не существует.

 Я глубоко вздохнула, подняла руки к вечернему небу.

 Это моя жизнь. Я буду сильнее.

 Это был лишь вопрос времени.

Глава 11

Было уже далеко за полночь, когда я вернулась в этот «дом». Всё тело ныло, ноги гудели, но внутри царила та странная пустота, которая бывает после долгого бега — когда мысли затихают и остаётся только усталость.

 Я тихо прошла в коридор, надеясь проскользнуть к себе незамеченной. Но когда поравнялась с большой комнатой, внезапно зажёгся свет.

 Я замерла.

 Маму я почувствовала ещё до того, как увидела — её гнев буквально вибрировал в воздухе. Я медленно повернулась к ней.

 Она стояла посреди комнаты, скрестив руки на груди. Лицо белое, глаза напряжённые, рот сжат в тонкую линию. Её нога в такт какому-то внутреннему ритму отбивала дробь по полу.

 Думаю, я её разозлила.

 — Ты знаешь, сколько времени? — спросила она ледяным тоном.

 Я пожалала плечами и промолчала. Что я могла сказать? Что я бегала по улицам, пытаюсь заглушить боль, которую она сама мне причинила?

 — Сейчас час ночи, Ева, — отчеканила она, и в голосе прозвучало что-то материнское и одновременно чужое.

 Я вздёрнула подбородок:

 — Ты же знаешь, что сейчас происходит в моей жизни... Мне нужно время.

 Она издала какой-то неприятный звук — не то стон, не то шипение.

 — Мы опять возвращаемся к этому? Я же те-

бе объяснила. Я не была счастлива в браке с твоим отцом. Сейчас ты должна быть рада за меня.

 — Сейчас ты счастлива? — спросила я язвительно. — В этих отношениях?

 Она пропустила колкость мимо ушей:

 — Ты бы предпочла, чтобы я была несчастна?

 — Что ты хочешь от меня услышать, мам?

 Её глаза чуть не вылезли из орбит, она резко вдохнула — как перед прыжком в воду.

 — Почему ты сейчас злишься на меня? Это потому, что я пропустила твой драгоценный семейный ужин? — спросила я.

 Её гнев был почти осязаемым — таким ярким, что можно было обжечься. Но мне было всё равно. Моё тело болело. Моя душа болела. Я так устала от всего, что даже спорить не хотелось.

 — Что ты хочешь? — спросила я устало. — Скажи мне, что я должна сказать, чтобы ты отпустила меня спать?

 Её голос вдруг стал мягче — почти умоляющим:

 — Этот ужин был важен для меня... Для нас.

 — Мы опять вернулись к этому? — я посмотрела на неё с издевкой. — К вашему драгоценному ужину?

 Я развернулась, чтобы уйти, но она схватила меня за руку. Крепко. Почти больно.

 — Я с тобой разговариваю, — прошипела она.

 — А я не хочу, — сказала я и выдернула руку. — Я съеду от тебя, как только всё устанет. Это всё, что тебе нужно от меня услышать.

 — Что? — выдохнула она, и в этом выдохе смешались шок и неверие.

 — Посмотри на себя со стороны, мам, —

продолжила я, и голос мой звучал ровно, хотя внутри всё
клокотало. — Это твоя жизнь. Это твой мужик. Я не хочу в
ней участвовать. Я хочу снова быть дома с папой. Я хочу пе-
реехать к нему.

 — Ты. Не будешь. Жить. С. Ним,
— произнесла она, делая паузы после каждого слова, слов-
но забивая гвозди. Ей пришлось перевести дыхание, чтобы
успокоиться.

 Её руки начали дрожать. Подборо-
док затрясся. Глаза смотрели на меня умоляюще, разрыва-
ясь между мольбой и приказом.

 — Почему нет? —
спросила я, проверяя её. — Он мой отец, верно?

 Её рот сжался в твёрдую линию.

 — Разве он не
имеет права меня видеть? — продолжала я. — Разве я не
имею права видеть его? Почему всё всегда по-твоему? Ты
не оставила мне выбора. Мы переехали, потому что ты так
сказала. А я не хочу здесь быть. Я не хочу быть частью се-
мьи твоего мужика. Это твоё решение, а не моё.

 — Ты моя дочь, — выдохнула она.

 — Ты увере-
на? — спросила я с горечью. — Сколько вечеров мы прове-
ли вместе с момента переезда?

 — Я хотела... —
начала она.

 — Это было бы один раз, — перебила
я. — Сегодня вечером. И то потому, что этого хотела ты, а
не я. Ты перестала быть моей мамой, как только мы перееха-
ли сюда.

 Она побледнела. Её руки дёрнулись — то
ли чтобы ударить, то ли чтобы обнять, — но она заставила
их снова опуститься.

 — Ты меня не уважаешь, —
выдавила она.

 — А где моё уважение? Где уваже-

ние ко мне как к дочери?

 — Я твоя мать...

 — Я бы предпочла, чтобы ты не была...

 Сила её пощёчины отбросила меня на несколько шагов назад. Я вскрикнула скорее от неожиданности, схватилась за пылающую щеку.

 Она стояла с пепельным лицом, всё ещё с поднятой рукой. Ладонь была раскрыта, и она недоверчиво переводила взгляд со своей ладони на меня, будто не веря, что только что это сделала.

 Боль была ошеломляющей. Не столько физическая — сколько от предательства. Мать ударила меня. Впервые в жизни.

 — Если ты ещё раз ударишь меня, — сказала я тихо, — я ударю в ответ.

 — Доченька... — она бросилась ко мне, протягивая руки.

 Я дёрнулась и отступила к дальней стене, вжавшись в неё спиной.

 — Я... — её глаза бегали по комнате, как у загнанного зверя. — Я...

 Потом её лицо вдруг прояснилось. Она снова подняла голову, и голос стал спокойным. Слишком спокойным.

 — Сегодняшний ужин был очень важен для меня, — сказала она. — Я хотела, чтобы ты там была.

 — Хочешь знать, где я была? — я не стала ждать ответа. — Бегала. Я бегаю почти каждый день с тех пор, как мы приехали. Бегу до тех пор, пока тело не начинает отказывать. Потом ложусь спать, встаю, иду на учебу — и не могу дождаться, когда смогу сделать всё это снова. Я не хочу ничего чувствовать, мама. Потому что рано или поздно мы уйдём отсюда. Ты думала об этом? Что будет, когда он расстанется с тобой?

— Я выхожу за него замуж, — отрезала она.

 — Я повторяю, — сказала я, чеканя каждое слово. — Что произойдёт, когда он расстанется с тобой?

 — Ты меня не слышишь? — голос её дрогнул. — Владимир сделал мне предложение. Мы объявили об этом сегодня за ужином.

 — О, — выдохнула я. — Ну, тогда мне очень жаль, что твоей дочери не было рядом, чтобы представлять твою сторону семьи. С его стороны были двое сыновей, верно? Их друг тоже пришёл?

 Она стояла неподвижно, как статуя.

 Я засмеялась — холодно, неприятно даже для себя самой.

 — Ты посмотрела на свою сторону стола, а там стоял мой пустой стул. Ты была унижена, да?

 — Да, — её зубы были стиснуты так, что я услышала скрежет.

 — Я унижена каждый день, что мы здесь, — сказала я. — Я унижена, потому что ты бросила папу ради всего этого...

 — Следи за своими словами, — предупредила она.

 — Не буду. Почему я должна? Ты ведь не следишь за своими.

 На этот раз она побелела как полотно. Вся кровь отлила от лица.

 Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться, но буря внутри брала верх. Слова рвались наружу, и я не могла их остановить.

 — Ты говорила мне, что вы будете любить меня и защищать, — мои губы дрогнули. — Это всё было ложью, мам?

 Она выдохнула — тяжело, с надрывом.

 — Знаешь, Ева, тогда это имело смысл. Мы были с твоим отцом вместе.

 — Почему ты выходишь

за него замуж? — спросила я. — Ты просто хочешь найти мне нового папу? Но Дмитрий и так не мой папа, правда? Он мне всё рассказал.

 — Это было не... это не... — её голос сломался. — О, доченька...

 Она всхлипнула. Я видела, как по её щеке скатилась слеза.

 — Перестань, — выпалила я. — Не надо.

 Её рот сжался, глаза наполнились слезами.

 — Почему ты только сейчас чувствуешь раскаяние? — Моё тело начало трястись — от холода, от боли, от всего сразу. — Лучше бы я никогда не родилась от тебя...

 Она широко взмахнула рукой и снова ударила.

 На этот раз она попала в нос. Я почувствовала резкую боль, а потом — знакомый металлический привкус крови. Нос заложило, глаза защипало.

 Моя рука сжалась в кулак сама собой.

 Я была готова ответить. Впервые в жизни я была готова ударить мать.

 Но кто-то остановил меня.

 Чьи-то сильные руки схватили меня сзади, обездвжили. Я попыталась вырваться, но меня держали крепко — железная хватка, от которой не убежать.

 — Ева! — голос прозвучал резко, требовательно.

 — Отпусти меня! — крикнула я, продолжая пинаться, дёргаться, пытаюсь освободиться.

 Пока не услышала смех. Кто-то сзади засмеялся — тихо, насмешливо.

 Меня развернули.

 В дверях стояли Марк и Владимир. Марк усмехался — нагло, с явным удовольствием наблюдая за сценой. Владимир выглядел растерянно, даже виновато.

 Кирилл дер-

жал меня. Его руки всё ещё сжимали мои плечи.

 Я удвоила усилия, вырываясь.

 — Отпусти меня, — прорычала я. — Я не буду её бить.

 Он хмыкнул — коротко, без насмешки — и разжал руки.

 Я не стала ждать ни секунды. Развернулась и почти побежала к лестнице, в свою комнату, подальше от этой комнаты, от их взглядов, от маминых слёз и от всего, что только что произошло.

 За моей спиной не раздалось ни слова.

 Никто меня не остановил. Никто не позвал.

 Я влетела в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, медленно сползая на пол.

 Нос всё ещё кровоточил — капли падали на футболку, на джинсы, на пол. Я вытерла их тыльной стороной ладони и посмотрела на разводы крови.

 И тихо, беззвучно заплакала — так, чтобы никто не услышал.

 Потому что это был уже предел. Предел всему.

Глава 12

Всю следующую неделю дома было тихо. На удивление тихо. Мама избегала меня — я её. Мы двигались по дому как два призрака, которые случайно оказались в одном пространстве, но делали вид, что не замечают друг друга. И братья Власовы куда-то исчезли — я их почти не видела. Ни утром за завтраком, ни вечером в гостиной. Только иногда слышала приглушённые голоса за стенами или топот ног на лестнице, но лично мы не сталкивались.

 Это было идеально. После всего, что случилось, тишина стала моим лучшим другом.

 Но если дома наступило затишье, то в колледже всё пошло по-другому. Слухи расползались быстрее, чем я успевала их опровергать. Кто-то пустил утку, что я шлюха. Кто-то добавил, что Руслан бросил меня из-за моих измен. Якобы это я ему изменяла, а не наоборот. Ирония судьбы.

 Я поймала Юлю в коридоре, зажала её между стеной и шкафчиками и потребовала объяснить, откуда растут ноги у всей этой чухни.

 Она даже не стала отнекиваться.

 — Это всё Полина, — ответила она, глядя мне прямо в глаза.

 Моя бровь поползла вверх от удивления. Хотя чему удивляться?

 — И Света с Дашей, — добавила Юля. — Они тебя правда ненавидят.

 — Я догадывалась, откуда ветер дует, — произнесла я с горечью. Что ещё мож-

но ожидать от крыс?

 Юля помолчала секунду, а потом добавила тихо — почти виновато:

 — И Вика Солнцева тоже про тебя слухи пускает.

 — Подожди... что? — я опешила. — Я ей ничего не сделала. С чего вдруг?

 — Потому что ты нравишься Андрею, — сказала Юля, и в её голосе не было ни капли злорадства. Только констатация факта.

 О боже.

 «Что ещё может пойти не так?» — пробормотала я себе под нос и потеряла виски.

 Мне нужно было выйти на улицу. Глотнуть свежего воздуха, иначе от всей этой ерунды голова просто взорвётся. Юля поплелась за мной — молча, не задавая лишних вопросов.

 Мы вышли на парковку, и в этот момент мимо пробежала футбольная команда — они направлялись к полю. Шипы их бутс громко стучали по асфальту, звук нарастал и вскоре стал почти оглушительным. Я заворожённо смотрела, как они бегут — быстрые, сосредоточенные.

 — Привет, — пискнула вдруг Юля и слегка махнула рукой.

 Я обернулась и увидела, что один из парней сбавил шаг и отделился от команды. Он подошёл к нам — высокий, уверенный, с лёгкой улыбкой на губах.

 Андрей Круглов. Вблизи я поняла, почему так много девчонок по нему сохли. Поразительные голубые глаза — яркие, как летнее небо. Золотистые кудри, в которых солнечные пряди переливались при каждом движении. Квадратная челюсть — та самая, от которой любители романтических фильмов падают в обморок.

 Он ух-

мыльнулся Юле — тепло, по-дружески.

 — Тебя сегодня отвезти домой, Юль? — спросил он, и в голосе прозвучала какая-то особая мягкость.

 Ого. Я что-то не знаю? Ладно, потом у неё спрошу.

 Юля застенялась — это было видно за версту. Она опустила глаза и ответила:

 — Нет. Мама заедет за мной.

 Его улыбка стала ещё ярче:

 — Меня всё ещё приглашают на шашлыки в эти выходные?

 Они определённо знают друг друга лучше, чем просто «привет-пока». Юля задвигала носком туфельки камешек на земле — взад-вперёд, взад-вперёд. Голову так и не подняла.

 — Да, конечно, — ответила она тихо.

 Андрей бросил на меня вопросительный взгляд — изучающий, но без наглости.

 Я вздохнула и решила представиться первой:

 — Я Ева.

 — Я знаю, — он улыбнулся. — Меня Андрей.

 — Итак, — он снова перевёл взгляд на Юлю, — девчонки, вы собираетесь на пляжную вечеринку завтра вечером?

 Юлины щёки полыхали так, что казалось, сейчас задымятся.

 — Я бы хотела, — пробормотала она. — Но не знаю, где это.

 — Я могу вам показать, — предложил Андрей спокойно, будто это было самое очевидное в мире.

 Юля повернулась ко мне с таким умоляющим выражением лица, что я не смогла сказать «нет». У неё в глазах горела такая надежда, что отказать было бы просто жестоко.

 — Почему бы и нет, — сказала я, и Юля выдохнула так, будто

только что защитила диплом.

 — Здорово! — воскликнул Андрей и хлопнул в ладоши, как ребёнок, которому купили мороженое.

 — Отлично! — выдохнула Юля, и её голос сорвался на писк.

 — Я... ну... увидимся тогда? — Андрей посмотрел сначала на меня, потом на Юлю.

 Я кивнула:

 — Увидимся.

 Он развернулся и побежал догонять команду, а Юля вцепилась мне в руку и прошипела на ухо:

 — Не могу поверить, что я иду на вечеринку с ним.

 — А теперь рассказывай, — сказала я, вырывая локоть из её захвата. — Что у вас происходит? И почему раньше не сказала, что вы знакомы?

 Она вздохнула — мечтательно, как героиня старых фильмов:

 — Мы давно дружим. Наши семьи тоже дружат. — А потом её голос погрузнел: — Но он не смотрит на меня как на девушку.

 — Ну, значит, это твой большой шанс, — я одарила её суровым взглядом. — Вы будете расслабленные на вечеринке, и, возможно, ты ему признаешься в чувствах.

 Юля пискнула и тут же закрыла рот ладошкой. Её щёки стали розовыми, потом красными, а вскоре всё лицо побагровело до кончиков ушей.

 Я засмеялась — впервые за долгое время легко и искренне.

 — Теперь тебе просто нужно решить, что надеть на вечеринку.

 Я развернулась и зашагала домой. А за спиной слышала, как Юля стонет — то ли от смущения, то ли от ужаса перед выбором наряда. Может быть, и от того, и от другого.

 Поче-

му-то всё вокруг не казалось таким уж плохим, когда рядом была эта рыжая чудачка. Она отвлекала от грустных мыслей. От воспоминаний о предательстве. От боли, которая всё ещё жила где-то глубоко внутри.

 Не то чтобы я снова научилась доверять. Но, возможно, не все люди вокруг были крысами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.